

Нежные
чувства

Майна гувернантки

Эмилия Остен

Эмилия Остен
Тайна гувернантки

«ЭКСМО»

2010

Остен Э.

Тайна гувернантки / Э. Остен — «Эксмо», 2010

Эмбер не знала родительской любви: с детских лет ее воспитывала тетка, то баловавшая девочку, то отталкивавшая ее от себя. Девушке пришлось самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни. Пройдя обучение в пансионе, Эмбер нашла работу гувернантки в одной обеспеченной семье. Сердце ее оставалось спокойным до тех пор, пока она не встретила темноволосого незнакомца с пронзительными синими глазами. Его образ встревожил девушку, она была точно уверена, что между ними – особенная связь, а еще... она не раз видела этого мужчину в своих снах. Литературная обработка Е.Полянской.

© Остен Э., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эмилия Остен

Тайна гувернантки

С благодарностью, Хелен

Глава 1

Англия, 1860 год

– Если лето выдастся хорошим, то вот эти розы красиво расцветут.

– А гибискус!

– Гибискус уж конечно.

Эмбер улыбнулась, прислушиваясь к голосам садовников, и отложила книгу с сонетами Шекспира – читать пока что больше не хотелось. Лучше насладиться теплом раннего майского утра, когда семья Даусеттов еще спит и можно воспользоваться свободным временем. Такие часы Эмбер очень любила. Она старалась вставать пораньше, что вполне закономерно в деревне, и до завтрака прогуляться по саду – сад в Грейхилле был роскошный. Местами аккуратно подстриженные, местами оставленные в первозданной дикости, растения тянулись вверх, цвели, переплетались, окутывая любого вошедшего в сад нежным ароматом. Можно было бесконечно бродить между деревьями по посыпанным гравием или вымощенным известняковыми плитами дорожкам, а затем спуститься по подстриженной изумрудной траве к озеру, чей синий глаз блестел невдалеке.

Эмбер и сама любила возиться в саду, но здесь ей не давали такой возможности. Садовники, коих в Грейхилле насчитывалось пятеро, предпочитали никого не пускать в свои владения и лишь тяжело вздыхали, если видели, как хозяйка срезает розы или маленький наследник случайно затаптывает крокусы. Эмбер, впрочем, учила своего воспитанника аккуратности, любви к природе и уважению к работе других, так что эпизод с крокусами был, пожалуй, единственным. Однако садовники – люди памятьливые; и стоило трехлетнему Бруно появиться в саду в сопровождении матери или гувернантки, они настораживались, словно пугливые олени, и внимательно наблюдали за пришельцами из-за кустов.

«Хорошо, что сейчас они не знают о моем присутствии», – подумала Эмбер.

Она прикрыла глаза, наслаждаясь падавшими на лицо лучами солнца; над закрытыми веками словно вспыхивал золотистый ореол, и казалось, что медленно плывешь в этом сиянии. Эмбер любила лето больше других времен года. Все детство она провела на севере Англии, в Нортгумберленде, в суровых, овеваемых холодными ветрами краях, где мох и вереск растут на древних валунах, а в лесу, кажется, еще можно услышать отголоски песен друидов. Туда лето приходило ненадолго, радовало несколькими теплыми днями и исчезало; если ты застал эти несколько дней, считай, что тебе повезло. В остальное время тучи с севера, гонимые ветром, низко летели над головой; иногда из них сыпался холодный дождь, иногда – мелкий снег; и нельзя было отличить осень от зимы, зиму от весны и понять, когда же весна перейдет в летние деньки.

Здесь, по крайней мере, все ясно: вот май, и крокусы уже зацвели, скоро отцветут, говорят садовники; сирень притаилась в листве, готовая брызнуть сочными соцветиями белых, бордовых и сиреневых цветов; тюльпаны, привезенные из Голландии, качают плотными головками. Пчелы с нежным жужжанием носятся от цветка к цветку, свежая зелень так упоительно, так прозрачно светится, и кажется, что весь мир окутан дымкой расцветания – в ней можно идти и идти, словно в самом хорошем сне.

Эмбер открыла глаза и встала: пора возвращаться в дом. Скоро будут звонить к завтраку, а значит, она должна идти. Она сделала несколько шагов по дорожке, затем вспомнила, что оставила на скамейке томик стихов, и вернулась.

«Сколько же все-таки удивительного чуда в сонетах Шекспира», – размышляла Эмбер, шагая по дорожке к дому. Она повторяла про себя строки:

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!¹

Эмбер перечитывала эти стихи сегодня утром снова и снова, вслушиваясь в их звонкий ритм, примеряя на себя. Как бы ей хотелось стать женщиной, для которой написаны такие строки! Но увы. Если в нее и влюбится поэт, то бедный, богатые поэты не влюбляются в гувернанток, пускай и благородного происхождения. Богатым поэтам нужны женщины, соответствующие их положению в обществе, – скромные дебютантки, прячущие белозубые улыбки за взмахами вееров. Большинство девушек, воспитывавшихся вместе с Эмбер в пансионе Святой Марии неподалеку от Морпета, не могли дожидаться своего первого лондонского сезона. Эмбер эти трепещущие восторги обходили стороной: ей нужна была работа, а не внимание молодых джентльменов. Конечно, тетушка оставила ей кое-какие деньги, однако их не хватит, чтобы претендовать на звание выгодной невесты. Ведь для этого нужно снять дом, нанять слуг, купить экипаж и справиться приличный гардероб – Эмбер отчетливо понимала, что при таких тратах тетушкино наследство быстро закончится. В Лондоне, говорят, бешеные цены. Для потомков старинных семей со старинными состояниями годится, а для бедной девушки с севера – нет.

Бруно выбежал навстречу Эмбер, едва она вошла в дом. За непоседливым трехлетним мальчишкой поспешала няня, благообразная и весьма тучная особа средних лет, которая переодевала маленького проказника, купала его и следила, чтобы он почистил зубы. Эмбер же занималась воспитанием ребенка. К счастью, несмотря на непоседливость, у Бруно было доброе сердце: он не стремился мучить червяков и кошек, животных просто обожал и к людям относился дружелюбно. Эмбер полюбила его сразу, а Бруно считал ее лучшим другом, хотя временами, бывало, она его наказывала.

– Эмбер! Эмбер!

– Ты должен называть свою гувернантку «мисс Ларк», – укорила подопечного нянюшка.

---

¹ Уильям Шекспир. Сонет 56. Перевод Маршака.

– Она же Эмбер!

– Это невежливо, Бруно!

Юный наследник никак не мог сообразить, почему именно невежливо.

– Но она ведь называет меня по имени!

– Это потому, что ты еще маленький, а она – твоя воспитательница!

Эмбер с улыбкой слушала эту перепалку.

– Если хочешь, я буду звать тебя «мастер Даусетт», Бруно, – предложила она.

– Нет! – Мальчик насупился, сведя к переносице тонкие светлые брови. – Мы же друзья!

Няня вздохнула и закатила глаза.

– Передаю его на ваше попечение, мисс Ларк. Приятного дня! Если понадобится, то буду в детской.

– И вам хорошего дня, миссис Моуди.

Няня кивнула, одернула на Бруно курточку и ушла. Эмбер протянула воспитаннику руку:

– Пойдем. Уже прозвонили к завтраку, нехорошо заставлять остальных ждать.

– А разве они не смогут кушать, если мы опоздаем? – спросил Бруно.

– Смогут, конечно, но очень огорчатся. Ведь завтракать всей семьей гораздо интереснее!

И этого требуют правила приличия.

– А если я не хочу есть?

– Ты сейчас не хочешь?

– Нет, я хочу!

– Тогда обязательно нужно идти к столу. А вот если не захочешь или заболеешь, что не приведи Бог, конечно, тогда можно и пропустить разок. Но не вздумай специально отказываться от еды! Тебе нужно есть, чтобы расти.

– Ладно, – вздохнул Бруно.

Пока он еще не понимал сложностей этикета; Эмбер старалась рассказывать так, чтобы ребенок запомнил. С ней-то никто не возился в детстве. Может быть, поэтому ей так нравится маленький Бруно, который смотрит на мир широко распахнутыми карими глазами – и весь мир для него сплошное счастье.

Семья Даусетт казалась Эмбер очень дружной – а впрочем, разве она видела какие-нибудь семьи? О ее собственной так называемой семье вспоминать не хотелось, так что Даусетты стали для Эмбер примером того, как нужно жить под одной крышей с родственниками. За те два месяца, что Эмбер провела в Грейхилле, Даусетты и ссорились, и мирились, и устраивали званые вечера, и сидели часами в гостиной, разговаривая о разных вещах, и выезжали в гости к соседям – словом, вели ту жизнь, которая и казалась девушке нормальной. Они любили друг друга, вот что самое главное. Они могли кричать, так как все обладали весьма взрывным характером, однако ссоры быстро иссякали, и наступал мир. Да и ссорились они не со зла, а от любви друг к другу.

Сидя на своем месте рядом с Бруно, Эмбер украдкой переводила взгляд с одного члена семьи на другого и еле заметно улыбалась, слушая их разговор.

Хозяин поместья и глава рода, Джонатан Кимбли, граф Даусетт, производил весьма и весьма приятное впечатление: высокий джентльмен с волосами пшеничного цвета и глазами оттенка шоколада с молоком, он был порывист, двигался резко и быстро, частенько ронял вещи и умел улыбаться во весь рот так, что хотелось засмеяться сразу же, вместе с ним. Ему недавно исполнилось тридцать; Грейхилл он унаследовал пару лет назад, уже будучи женатым, и стал отличным хозяином – при нем поместье процветало, и чем дальше, тем больше.

Его супруга и мать Бруно, Шерра Даусетт, поражала кроткой красотой – причем иногда Эмбер казалось, что граф выбирал жену, ориентируясь на собственное отражение в зеркале. Светловолосая, с глазами карими – но не цвета шоколада, а скорее, кофейного оттенка, – она

была хрупкой и изящной, с удивительной красоты маленькими руками, в движении напоминавшими порхающих бабочек. Миловидное личико сердечком, головка вся в светлых кудряшках – идеал женской красоты, нынче популярный в высшем свете. Джонатан в ней души не чаял, она отвечала взаимностью. Глядя на них, Эмбер верила, что счастье в браке возможно.

Также в Грейхилле проживала сестра Шерры, Аделия Маттон, восемнадцатилетняя девица на выданье. Ей предстоял первый лондонский сезон осенью, и она очень переживала по этому поводу – главным образом потому, что ее волосы, белокурые, как у сестры, ни в какую не желали виться. Они спадали тяжелыми светлыми прядями, горничная Аделии укладывала их в красивую гладкую прическу – но и только. На взгляд Эмбер, было бы из-за чего переживать. Но она вообще плохо понимала чаяния современных благородных девиц. Аделия, впрочем, ей нравилась: немного шумливая, иногда капризная, она тем не менее имела доброе сердце.

Таковы были члены семьи Даусетт, с которыми Эмбер встречалась за столом каждый день. Больше всего, разумеется, она общалась с Шеррой – по поводу воспитания маленького Бруно. Граф почти не обращал внимания на гувернантку, хотя вел себя неизменно вежливо; Аделия же, предвкушая длинное лето в Грейхилле и затем – переезд в блистательный Лондон, витала в облаках и временами заводила с Эмбер пространные беседы, обнаружив, что гувернантка умеет отлично слушать. Жить среди этих людей оказалось просто и приятно, и Эмбер благодарила Бога за то, что Он направил ее и помог отыскать такую чудесную должность.

Столовая – просторная комната с длинным столом посередине; бежевые обои, на стенах – панно с изображениями фруктов; мягкий свет льется из больших окон. Грейхилл был построен не так давно, при жизни деда нынешнего графа, и не походил на старые дома давних веков. Нет, здесь всегда было много света и пространства. Большие комнаты, изящные статуэтки на каминных полках, стены обиты светлой тканью или обоями приятных оттенков, занавеси открывают окна, а не стараются скрыть. Шерра, как настоящая хозяйка, постоянно что-то меняла в доме; а так как он был огромен, то непременно требовал перемен. Сейчас ремонт шел в одном из салонов: перестилали пол, переделывали обои – Шерре показалось, что темно-зеленые смотрятся слишком мрачно.

Эмбер сидела рядом со своим воспитанником и слушала разговор за завтраком, впрочем, не вмешиваясь. Ее мнения редко спрашивали, а она очень хорошо осознавала свое место в доме и не заговаривала, пока не обратятся. За это Шерра ее тоже ценила.

– Фэйрхеды вчера приехали из Лондона; ты знаешь, дорогая? – обратился Джонатан к жене.

– О, я так и думала, что они там надолго не задержатся. Говорила же я Кейлин, что не стоит задерживаться в столице, все равно ничего интересного уже не случится. – Шерра намазывала маслом горячую булочку. – В мае в Лондоне уже нечего делать.

– Не скажи! В прошлом году...

– О, но в прошлом году там был лорд Бэггз; а нынче он отсутствует, и очаровательные балы-маскарады в его доме тоже. Так что правильно мы уехали пораньше. Бруно полезен сельский воздух.

– А Кеннет тоже приехал? – отчего-то порозовев, спросила Аделия.

– Ну конечно же, он приехал! – Джонатан с улыбкой посмотрел на свояченицу. – Соскучилась по своему другу детства?

– В Лондоне мы ведь его почти не видим, – заметила Шерра. – Вечно пропадает среди этих узколобых политиков. Заседания палаты пэров, разговоры в закрытых гостиных, вечные собрания в клубах... Что в этом хорошего?

– Некоторых увлекает семейная жизнь, а некоторых – политическая, особенно в юные годы, когда кажется, что сможешь изменить мир, – с усмешкой произнес Джонатан. – Не стоит язвить на его счет, дорогая. Кеннет пока еще слишком молод, чтобы осознать, как хорошо быть

женатым человеком. Вот влюбится, обзаведется семьей и тогда сразу станет больше внимания уделять не только жене, но и друзьям.

– Мы ведь съездим к ним с визитом, правда же? – нетерпеливо спросила Аделия.

– Разумеется, – кивнула Шерра, – но только через пару дней, так приличнее.

– Ах, Шерра, но ведь они наши друзья!

– Однако даже друзьям нужен небольшой отдых, если они только что вырвались из Лондона на сельский простор. Не будь такой нетерпеливой, Аделия! Если Фэйрхеды приехали, то пробудут в Фэйрхед-Мэнор все лето.

– Кейлин – возможно, – упрямо возразила Аделия. – А вот Кеннет способен все бросить и вернуться в Лондон, чтобы проводить время с этими скучными политиками, а не с нами.

– Вряд ли он так скоро уедет, дорогая Аделия, – мягко произнес Джонатан, внимательно наблюдая за девушкой. – Ведь через две недели, или около того, у него и Кейлин день рождения, ты не забыла? Наверняка будет прием, гости съедутся, не лишит же Кеннет себя и сестру такого праздника.

– День рождения! Боже, я совсем запамятовала. – Шерра сокрушенно покачала головой. – Как быстро летит время. Да, вряд ли Фэйрхеды уедут тогда. Я сегодня же отправлю записку Кейлин и выясню, когда можно нанести им визит.

– Хорошо бы поскорее!

– Аделия!

– Не стоит упрекать сестру, дорогая, она просто соскучилась.

Шерра улыбнулась.

– Да я и сама, признаться, ужасно соскучилась по Кейлин.

– Она по-прежнему ни за кого не хочет замуж? Я ведь знаю, вы об этом секретничали, – полувопросительно произнес Джонатан.

– Она лукавит. Что-то есть у нее за душой; я выясню, непременно выясню, что именно.

– Она же сестра виконта, – сказала Аделия, – наверное, Кеннет ищет ей партию получше.

– О, конечно же, ищет.

Бруно, все это время молчавший и занятый кашей, встрепенулся:

– Мы поедем в гости?

– Только если вы будете себя хорошо вести, молодой человек, – сказала Шерра с ненастоящей суровостью. – Мисс Ларк, хорошо ли он себя ведет?

– Сегодня утром – идеально, – улыбнулась Эмбер, – а про вчерашние его проказы вы все уже знаете.

– Если попробуешь еще раз нарядить кошку в платье куклы, Бруно, кошка тебя еще и не так исцарапает! – пригрозил Джонатан.

– Я хотел, чтобы она была красивая! – насупился мальчик.

– Кошка красивая и так, без платья, – объяснила ему Эмбер. – Она так привыкла.

– А можно мне ходить без одежды? – воодушевился Бруно.

– Нет! – хором ответили все взрослые, переглянулись и рассмеялись.

– Какие планы у вас на сегодня, мисс Ларк? – спросила Шерра.

– Сначала мы немного позанимаемся с Бруно, поучим буквы, порисуем, а затем, наверное, прогуляемся к озеру.

– Может быть, и мы с Аделией к вам присоединимся.

– Это будет замечательно, миледи, – искренне ответила Эмбер.

Глава 2

Эмбер любила прогулки.

Еще живя в суровом Нортумберленде, она часто выходила на прогулки, несмотря на непогоду. Воспитанницам пансиона Святой Марии не разрешалось уходить далеко или, не дай Бог, самостоятельно отправляться в ближайший городок, пригород Морпета – административного центра графства; однако можно было прогуливаться в соседнем лесу, у реки Вансбек и в заброшенном саду. И Эмбер изучила все укромные уголки в округе, все полянки между заросшими мхом скалами. Она могла часами сидеть на большом камне у реки и смотреть, как та катит свои зелено-серебристые воды к морю. Эмбер никогда не видала моря. Она часто читала в книгах о том, как оно прекрасно на юге и сурово на севере, однако эта суровость ничуть не умаляет его грозной красоты. Вода влекла к себе Эмбер, манила непредсказуемостью, вечным бегом, переменчивостью. Может быть, потому, что душа девушки жаждала перемен.

А в Грейхилле оказался просто рай; хотя до моря было далеко, большое озеро, лежавшее во владениях графа Даусетта, вполне могло его заменить. Не проходило и дня, чтобы Эмбер не сходила к озеру или хотя бы не посмотрела на него издали. Оно лежало в окружении пологих холмов, в зеленой траве уже цвели одуванчики и маргаритки. Погода в конце мая стояла преотличная, самое время для прогулок на свежем воздухе; да и воспитанник Эмбер их обожал.

Утренние занятия прошли как нельзя лучше, Бруно вел себя прекрасно, поэтому откладывать прогулку не было никаких причин. Эмбер переделалась – не стоит пачкать домашнее платье, ведь Бруно непредсказуем и может случайно извозиться, а Эмбер, отчищая пятна с его костюмчика, непременно испачкает свои юбки. Так уже случалось. В пансионе наставницы, бывало, ругали Эмбер за некоторую неаккуратность, случавшуюся, пожалуй, в основном от мечтательности и растерянности; здесь же, находясь на службе у знатных господ, девушка училась следить за собой. Конечно, она не носила таких пышных кринолинов, как женщины семьи Даусетт, ее юбки были объемом поменьше; однако нельзя сказать, что ее гардероб отчаянно скуден. Все-таки у Эмбер имелись кое-какие деньги. Так что выбранное для прогулки платье – темно-зеленое, отделанное простым кружевом, но красивого покроя и изящное – выглядело вполне прилично для того, чтобы и с Бруно повозиться, и показаться дамам на глаза. Особенно если Шерра и Аделия присоединятся к прогулке.

Бруно, важный и довольный в своем сине-белом костюмчике, который очень любил, позволил Эмбер надеть на него соломенную шляпу и взял гувернантку за руку. Эмбер и сама питала слабость к соломенным шляпкам с широкими полями, которые недавно вновь вошли в моду, и в ее гардеробе имелась одна такая – а ленты Эмбер меняла. Сегодня, например, повязала зеленую и стянула пышный бант под подбородком.

Няня не пошла с ними, осталась дома, леди Даусетт и мисс Маттон не показывались, и на прогулку пришлось отправляться без них.

- А могу я потом покататься на пони? – поинтересовался Бруно, весело подпрыгивая.
- Только если мы с тобой выучим стихотворение про лисичку.
- Но мы же выучим после обеда, правда?
- Да, дорогой.

В саду пахло сладко и завораживающе; Эмбер остановилась ненадолго, чтобы притронуться к гроздьям сирени – но та, к сожалению, еще и не думала зацвести. Запах сирени Эмбер очень любила и каждый раз с нетерпением ждала весны. В пансионе под окнами дортуара рос единственный на всю округу сиреневый куст, и Эмбер, бывало, ночью выскальзывала в открытое окно и долго стояла, зарывшись носом в цветы, стараясь вобрать в себя весь на свете сиреневый запах.

Дорожки струились вниз – туда, где сад переходил в парк, а парк разбегался длинными аллеями. Одна из них вела прямо к озеру, обсаженная старыми вязами, зеленовато-золотистая ярким майским днем. Солнечные лучи протыкали кроны деревьев, будто копья античных воинов; крохотные бабочки порхали меж стволами; по земле стлался вьюнок. Бруно притих, зачарованный этим храмом природы, и молча шагал рядом с Эмбер, стремясь к синему блеску в конце аллеи.

Эмбер нравилось в Беркшире. Здесь, в южных графствах, погода гораздо лучше, чем на севере. И природа не такая суровая: вокруг зеленые поля, громадные леса, где растут дубы и вязы, ясень, ольха. Шерра говорила, что Уайт-Горсетская долина – один из самых плодородных уголков Англии; там жили друзья Даусеттов, и если Бруно возьмут к ним в гости, Эмбер тоже поедет и сможет все увидеть своими глазами. Только к югу от Ньюберри земля становилась более тощей и плодородные поля постепенно переходили в степь. Здесь разводили лучших в Англии свиней, выращивали цветы, овощи и фрукты. Эмбер сразу понравился Беркшир; гулять здесь, в Грейхилле, одно удовольствие.

Наконец дорога вывела на берег озера, и Эмбер отпустила ладошку Бруно, позволив мальчику играть, сколько вздумается. Бруно все в округе нравилось: и небо, и деревья, и трава, и старое, высушенное на солнце бревно, лежавшее у самой воды. Эмбер велела воспитаннику не лезть в озеро, а сама уселась на бревно – оттуда отлично просматривались все окрестности. Эмбер уже успела полюбить именно это место и втайне считала его своим, хотя Шерра и рассказывала, что летом на берегу часто устраивают пикники.

Бруно с радостными воплями носился вокруг, а Эмбер смотрела вдаль. Озерная гладь сегодня была тихой, лишь немного подернутой рябью; в воде отражались высокие кучевые облака. Противоположный берег был хорошо виден. Там владения Даусеттов заканчивались и начинались чужие – вроде бы того самого виконта Фэйрхеда, о котором шла речь за завтраком.

Эмбер почти никого не знала из соседей; несколько раз дамы наносили визит Шерре, однако больших приемов в Грейхилле при гувернантке еще не устраивали, да и не полагалось Бруно бывать на таковых. А без Бруно Эмбер вряд ли позовут. Она ничуть не обижалась на такое свое положение – в конце концов, она сама его выбрала. Через пару лет, если все пойдет нормально, она сможет купить себе домик где-нибудь неподалеку. Это была мечта Эмбер – собственный дом, кусок земли... Конечно, еще любимый муж и дети, однако с этим пока придется подождать. Эмбер привыкла в жизни полагаться только на себя, а сама она отлично знала, что делать.

Леди Даусетт говорит, что осенью семья возвратится в Лондон; Эмбер придется отправиться с ними. Она не любила города, именно поэтому предпочитала жить в сельской местности; однако если Шерра захочет, то, конечно же, поехать придется. В Лондоне Эмбер удалось побывать лишь однажды, вместе с тетушкой; тогда девочке едва исполнилось семь, и теперь она плохо помнила впечатления. Вспоминались громадные дома, толпы людей, множество экипажей и очень неприятный запах – в деревне пахло гораздо лучше. Эмбер было интересно, какими окажутся ее впечатления от Лондона в следующий раз. Впрочем, вряд ли ей придется надолго покидать дом Даусеттов. Она могла бы выезжать – благородное происхождение никто не отменял, – однако стесненное положение и статус гувернантки не позволят этого сделать. Да и зачем ей какой-нибудь напыщенный лорд, который может обратить на нее внимание? К тому же богатые джентльмены наверняка станут смотреть на нее свысока. Эмбер не нужны лишние переживания.

– Мисс Ларк, смотрите, как я могу! – закричал Бруно.

– Очень хорошо, – похвалила Эмбер подпрыгивающего мальчика и, вздохнув, снова уставилась вдаль.

Она заметила всадника на другой стороне озера. Он находился слишком далеко, чтобы рассмотреть его как следует, и вскоре скрылся среди деревьев; Эмбер проводила его взглядом.

Хорошо бы попросить у леди Даусетт позволения ездить верхом, в Грейхилле полно лошадей, и преотличных. Эмбер очень любила лошадей. Правда, верхом ездила неважно, сказывался недостаток практики, и она жаждала это исправить; однако считала, что просить позволения у Шерры пока еще рано. Ведь Эмбер всего два месяца здесь, ей уже доверяют, но не слишком, хотя, видит Бог, она не жаждет кого-либо обмануть. У нее нет за душой никаких тайн, никаких секретов, ее история проста, происхождение тоже. Не сыскать во всей Англии девушки банальнее.

Эмбер улыбнулась своим мыслям.

– Мисс Ларк, я поймал лягушку!

– И зачем ты это сделал? – пришлось подняться и подойти к Бруно. – Отпусти ее, наверняка она хочет домой.

– Нет! Она вышла погулять. Как и мы!

– Вот пускай гуляет, а не сидит у тебя в ладони! – Эмбер разжала пальчики Бруно. Лягушка немедленно воспользовалась возможностью, скакнула и была такова. – Где твой платок? Нужно вытереть ладонь.

– А разве лягушка плохая?

– Она тебя испачкала. А ты испачкаешь костюм, если вытрешь руку об него. Так где платок?

– Я не знаю...

– Настоящий джентльмен никогда не выйдет из дому без платка, и еще джентльмены гуляют с тростью, но трость тебе еще рано носить.

– Почему, почему рано?

– Потому что ты с ней ходить не умеешь.

– А я научусь!

– Точно научишься? – засмеялась Эмбер.

– Научите меня, мисс Ларк!

– Ладно, но не сегодня. Должны же мы что-то оставить на завтра?

– А что мы будем делать сегодня?

– Хочешь, составим для твоей мамы букет? Она очень любит маргаритки.

– Да!

– Тогда давай я покажу тебе, как их правильно рвать. Видишь, сколько их тут. Нельзя вырывать цветы с корнем.

Эмбер присела на траву, Бруно устроился рядом; увлеченные уроком по собиранию маргариток, они не сразу услышали стук копыт. Наконец Эмбер уловила посторонний звук и подняла голову: лошадь уже подошла близко, в седле сидел темноволосый мужчина. Эмбер еще плохо видела его издали. Наверное, тот самый всадник, что проехался по другой стороне озера. Гость или сосед. Он направлялся к ним с Бруно, и Эмбер встала, пристально глядя на него.

Всадник остановил гнедую лошадь в нескольких шагах; он улыбнулся, внимательно глядя на Эмбер.

– Доброе утро, мисс! Надеюсь, я вам не помешал?

– Ух ты! Лошадь! – обрадовался Бруно, мгновенно позабыв о зажатых в кулаке маргаритках.

– Стой. – Эмбер вовремя схватила мальчика за руку, а всаднику вежливо ответила: – Нет, не помешали, милорд.

– А откуда вы знаете, что я милорд? – удивился он. – Может быть, я разбойник?

– Правда? – радостно спросил Бруно.

– Это вряд ли, – сказала Эмбер.

– Простите. Я невежлив. – Мужчина спешился, взял лошадь под уздцы и подошел поближе, глядя на Эмбер внимательно, словно стараясь за мгновение изучить ее всю.

Эмбер замерла. Ни разу она еще не видела у мужчины такого глубокого, такого всепроникающего взгляда; ни разу на нее не смотрели и с удивлением, и с огромным интересом.

Незнакомец был достаточно молод – вряд ли больше двадцати двух лет, – однако высок и прекрасно сложен. Каштановые, чуть выющиеся волосы собраны в хвост и связаны лентой, темно-голубые глаза в золотистых крапинках удивительно прозрачны, словно озерная вода в ясный день. Мужчина был одет просто, но элегантно: черный сюртук для верховой езды, белые бриджи, сапоги из дорогой кожи. Он пристально глядел на Эмбер, словно пораженный до глубины души этой встречей. Эмбер даже засмушалась немного, отступила на полшага; она не могла понять, что за чувство возникло в ее душе, почему ее смутил взгляд случайного человека.

– Мое имя Кеннет, я виконт Фэйрхед, – представился мужчина, изящно поклонившись. – А вы, леди?

– Мисс Эмбер Ларк.

– Какое чудесное имя! И очень вам подходит.

Он не отводил от нее глаз. Эмбер смутилась еще больше.

– А молодой человек? – Виконт серьезно взглянул на Бруно.

– Я Бруно Даусетт! – сказал мальчик.

– А! Кое-что начинает проясняться. Вы живете в поместье Даусеттов, мисс Ларк?

– Да. – Эмбер решила сразу же объяснить ситуацию – вряд ли столь знатный человек захочет общаться с особой не слишком высокого положения. – Я работаю гувернанткой в доме графа.

– Я так давно не видел тебя, Бруно, что даже не узнал, – заметил виконт, кивнув мальчику. Новость о том, что Эмбер – гувернантка, его ничуть не смутила. – В последний раз мы встречались, когда тебе было полтора года.

– Я не помню, – огорчился Бруно. – Но я теперь совсем большой! Мне три с половиной!

– Очень хорошо, действительно, совсем большой. – Молодой человек и не думал смеяться над ребенком, так что Бруно обрадовался. – Как поживают мои друзья? Я не виделся с Джонатаном уже пару месяцев.

– Все хорошо, спасибо, – Эмбер чувствовала себя несколько неловко: она не имеет никакого права сплетничать или обсуждать семью графа. – Сегодня все дома, и если вы пожелаете нанести визит...

– Ах, нет, нет. Мы с сестрой только вчера приехали. Я отправился на прогулку, не считывая кого-либо встретить.

– О, тогда мы пойдем и не будем мешать вам.

– Простите! – На лице виконта отразилось искреннее раскаяние. – Я неправильно выразился! Мне вовсе не утомительно ваше общество, нет! К тому же это не мои владения, так что уезжать следовало бы мне.

Его речь затягивала, затягивал и взгляд. Эмбер чувствовала себя очень странно. Что это, колдовство? Почему дрожат колени, почему сердце колотится так быстро?

Виконт Фэйрхед сделал шаг и оказался еще ближе.

– И давно вы живете в семье Даусеттов? Я не встречал вас здесь раньше.

– О, всего пару месяцев. Леди Даусетт пригласила меня в марте.

– Ах да, припоминаю. Они как раз уезжали в Грейхилл и собирались найти воспитательницу для Бруно.

– Мисс Ларк очень хорошая! – серьезно заметил мальчик.

– Не сомневаюсь, Бруно, не сомневаюсь, – отвечивал джентльмен со всей серьезностью.

Эмбер не знала, что ему еще сказать. Поддерживать светскую беседу? Однако он сказал, что просто выехал развезаться. Наверное, виконт желает побыть в одиночестве. Но просто так уйти невежливо. Эмбер принужденно улыбнулась, не зная, что еще сказать.

– Как жаль, что я не встречал вас раньше, – задумчиво произнес виконт. Эмбер поежилась. Что означают его слова? И взгляд, притягивающий ее, словно на аркане...

– Господи Боже! Кеннет! Неужели это ты?

Эмбер обернулась и слегка покраснела, будто ее застали за чем-то неприличным – хотя все оставалось в рамках этикета. По тропинке торопливо шла Шерра, за ней спешила Аделия, лицо которой сияло от счастья. Обе дамы в светлых легких платьях напоминали спустившихся с неба голубок.

– Шерра! Как же я рад снова видеть тебя! – Виконт поцеловал протянутую руку леди Даусетт. – Аделия! Вы обе прекрасно выглядите.

– А ты тайком пробрался в наши владения, чтобы шпионить? – засмеялась Шерра. – Я отослала в Фэйрхед-Мэнор записку; думаю, ты прочтешь ее по возвращении. А Кейлин, может, уже прочла. Джонатан и мы с удовольствием нанесли бы вам визит, но постеснялись делать это быстро.

– Мы столько лет знаем друг друга, и ты еще пребываешь во власти церемоний! – покачал головой виконт. – Шерра, я был бы рад видеть вас уже сегодня вечером!

– О, сегодня вряд ли. У Джонатана какие-то дела допоздна, он уехал в Рединг сразу же после завтрака.

– Тогда почему бы вам не отобедать у нас завтра?

– Прекрасная идея, Кеннет! – Тут леди Даусетт наконец обратила внимание на Эмбер. – О, вы уже познакомились?

– Да, мисс Ларк и я случайно встретились здесь. А Бруно меня не узнал. – Виконт заулыбался, и Эмбер показалось, что нет на свете прекрасней этой улыбки.

– Конечно, еще бы он тебя узнал, – фыркнула Шерра. – Ты у нас в Лондоне почти не появлялся. Мы тоже уже забыли, как ты выглядишь.

– Не шути так, – одернула сестру Аделия и добавила, обращаясь к виконту: – Конечно же, мы помним, как ты выглядишь, Кеннет.

– Прости, Аделия, я забыл спросить, как твои дела?

– Спасибо, все хорошо. И теперь еще лучше, когда вы с Кейлин приехали. – Произнося эти слова, она опустила взгляд.

– Осенью твой первый сезон, если я не ошибаюсь? – любезно осведомился виконт.

– Ты не ошибаешься, Кеннет.

– Ну что ж, думаю, у тебя отбою не будет от поклонников. А тот джентльмен, которому ты подаришь свое сердце, несомненно станет очень счастливым! – Виконт покачал головой. – Подумать только, еще так недавно мы играли вместе вот у этого озера, как теперь играет Бруно, а теперь я просиживаю штаны в палате пэров, а ты выходишь в свет! Впрочем, мы еще поговорим об этом, Аделия. Я скучал по беседам с тобой. – Однако, говоря это, он почему-то покопился на Эмбер.

– Я тоже скучала, Кеннет! – с жаром воскликнула Аделия.

– Так, – произнесла Шерра, переводя взгляд с виконта на сестру, – пожалуй, нам пора. Мы с Аделией бродили по саду, а затем услышали смех Бруно и решили, что нужно позвать мисс Ларк к обеду.

– А вы, мисс Ларк, – произнес виконт, повернувшись к ней, – окажете ли мне честь и навестите ли нас с сестрой завтра?

Эмбер не ожидала такого приглашения; она нерешительно взглянула на Шерру.

– Я не знаю, возможно ли это, милорд.

– Шерра? – вопросительно приподнял брови Кеннет.

– Конечно, возможно, – беспечно махнула рукой леди Даусетт. – Тогда мы сможем взять с собой и Бруно, Кейлин обрадуется. Разумеется, мисс Ларк поедет, коль скоро ты ее приглашаешь.

– Буду счастлив видеть вас завтра, – сказал виконт, обращаясь вроде бы ко всем женщинам, однако Эмбер снова поймала на себе его жаркий взгляд. И опустила голову, как будто это могло помочь ей скрыться.

– В таком случае до завтра, Кеннет. Как хорошо, что вы приехали!

– До завтра, – попрощалась Аделия сдавленным голосом.

Виконт поцеловал дамам руки, не обойдя вниманием и Эмбер; когда он ее коснулся, она снова почувствовала себя очень странно. Почему он так необычно на нее воздействует? Откуда этот холодок, бегущий по спине?

– Так мы вас ждем к четверем, – бросил виконт на прощание, уже садясь в седло. Он отсалютовал дамам, развернул гнедую и пустил ее рысью.

– Мы поедем в гости? – запоздало сообразил притихший было Бруно.

– Да, солнышко мое. – Шерра склонилась и поправила сыну воротничок. – Ты ведь хорошо себя вел сегодня?

– Очень хорошо, – кивнул Бруно.

– Он действительно не проказничал, – заметила Эмбер.

– А почему виконт пригласил вас, мисс Ларк? – осведомилась Аделия, не спуская с Эмбер внимательного взгляда.

– Понятия не имею. Он приехал, когда мы с Бруно собирали маргаритки.

– Мама, это тебе! – вспомнил Бруно, протягивая Шерре пучок весьма помятых цветочков.

– Спасибо, родной, – растрогалась леди Даусетт.

– И все-таки? – продолжала настаивать Аделия.

– Думаю, виконт Фэйрхед просто повел себя как настоящий джентльмен, – дипломатично ответила Эмбер, не понимая холодного тона Аделии.

– Дорогая, отстань от мисс Ларк, – сказала Шерра. – Тебе ли не знать Кеннета? Он гостеприимен до безумия, не чета своему покойному отцу. Да и Кейлин любит новые лица. В этом нет ничего предосудительного, что ты?

– Я и не говорила, что в этом есть нечто предосудительное, – упрямо произнесла Аделия, – я просто отметила, что это странно.

– Мне тоже это странно, леди Маттон, – сказала Эмбер, – к тому моменту, как вы появились, мы разговаривали с виконтом едва ли минут пять.

– Все, хватит, – решительно отрезала Шерра. – Идем домой. Бруно, хочешь, я возьму тебя на ручки?

– Нет, мама, я уже взрослый, я сам пойду!

Глава 3

В ту ночь Эмбер долго не могла заснуть.

Ее комната располагалась недалеко от комнаты Бруно – вдруг гувернантка понадобится мальчику, – хотя в его спальне ночевала няня. И все же на всякий случай Эмбер поселили поблизости. Комната была уютной – не слишком большая, светлая, как и многие помещения в этом доме, с широкой кроватью под тканым пологом, с тумбочкой, зеркалом, двумя креслами и небольшим камином. В углу стоял старый, но крепкий шкаф, куда без проблем поместился гардероб мисс Ларк. Эмбер, когда только лишь приехала и Шерра показала ей комнату, сразу же почувствовала себя здесь хорошо. Здесь отлично спалось, из окна долетал шум деревьев и пение птиц – соловьев в этом году развелось видимо-невидимо. Их песни можно было слушать долго, уносясь в мечтах так далеко, как никогда не удастся в реальности. Обычно Эмбер, послушав птичек, засыпала достаточно быстро; но сегодня ей не спалось.

Встреча с виконтом Фэйрхедом словно перевернула вверх тормашками тот взлелеянный душевный покой, которым Эмбер так дорожила. Она не могла понять, что произошло между ней и Кеннетом, не могла определить, почему его голос показался ей таким родным, как будто она уже раньше слышала его внутри, только не знала – чей он. И после часа размышлений Эмбер поняла: между ней и виконтом с первой секунды возникла связь. То, что эта связь между ними есть, не подвергалось сомнению. Как будто они с Кеннетом были давным-давно знакомы, однако потеряли друг друга из виду и вот наконец встретились. Как будто она спала и видела его во сне, и он возник из небытия – не придуманный, настоящий...

Эмбер не могла самой себе объяснить природы этой связи. До сих пор ее жизнь была мало насыщена эмоциями. Девушка отлично умела держать в узде чувства и даже не подозревала, что может так странно себя ощущать, впервые встретившись с человеком. Что это? Любовь с первого взгляда? При мысли об этом Эмбер пробрала дрожь. Она много читала и часто задумывалась о любви, однако о том, что это сильнейшее чувство может прийти, стоит лишь взглянуть на человека, не верила. И вот – сама столкнулась с необъяснимым. Ее тянуло к Кеннету, несомненно, тянуло.

Эмбер заснула только после полуночи и спала плохо; во снах к ней приходил темноволосый мужчина с голубыми глазами.

Кейлин Фэйрхед поставила точку, отложила перо и еще раз пробежала текст глазами. Это заняло немало времени, так как письмо было большим: несколько листков, испещренных мелким почерком. Кеннет всегда жаловался, когда сестра оставляла ему записки: говорил, что не разобрать. Кейлин со смехом советовала ему купить очки. Остальные же разбирают, говорила она. Кому надо, тот все прочтет.

Адресату совершенно точно нужно разобрать, что она напишет, – судя по его посланиям, любое слово в письме для него на вес золота. Поэтому Кейлин старалась писать как можно подробнее, тем более что слова, которые она хотела бы сказать ему, никогда не иссякали. Нет, ей легко было бы и помолчать рядом с ним; но как вложишь в письмо это ненавязчивое, сдержанное молчание?

Она сложила лист, запечатала конверт и, держа в руках, вышла из комнаты. Широкая лестница привела Кейлин в просторный холл; леди Фэйрхед позвонила в колокольчик, стоявший на низком столике. Бертрам появился буквально через несколько секунд.

– Да, миледи? – Дворецкий у них был довольно молодой, хотя нанимал его еще отец; все кухарки по Бертраму с ума сходили.

– Нужно отправить это немедленно, – Кейлин протянула ему письмо. – И когда придет ответ, сразу же принесите мне, даже если я буду спать.

- Я понял, миледи.
- Где мой брат?
- Он в Белом салоне, миледи.
- Очень хорошо. Подайте туда чай.

Бертрам кивнул и испарился, Кейлин же обогнула лестницу и, пройдя по короткому коридору, распахнула дверь. О чем, интересно, думала матушка, обставляя Белый салон мебелью со светлой обивкой и кладя на пол бежевый ковер? В детстве Кеннета и Кейлин не пускали сюда: испачкать что-либо в этой комнате легче легкого. А у матери не спросишь, к сожалению.

Кеннет действительно был здесь; он сидел в кресле у окна и сосредоточенно изучал «Таймс».

– Ты только подумай, сестренка! – воскликнул он, не поднимая головы – и так знал, что вошла именно она. – Старый лорд Филлипс опять женится!

– Изучаешь колонку светской хроники? – Кейлин села напротив брата. – Я думала, тебя интересуют только политические новости.

– И ты туда же! – с досадой воскликнул Кеннет. – Почему вы все дразните меня тем, чем я занимаюсь?

– Наверное, потому, что ты делаешь это с такой непринужденной искренностью, братишка; как же тебя не подразнить?

– Но это мой долг, долг главы рода, долг пэра.

– Конечно, конечно. И все же не отказывай мне в удовольствии тебя подколоть.

– Ах, ты всегда такая была. – Кеннет прищурился и отложил газету. – Ну так я могу ответить!

– Попробуй!

– У тебя пальцы в чернилах. Опять писала письма?

– Да, – Кейлин вздернула подбородок. – Ну, давай продолжай!

– Своему лорду Как-его-там? – Кеннет сделал вид, что вспоминает. – Ботту? Гротту? Слотту? Никак не могу запомнить.

– Лорду Нотту, – Кейлин засмеялась. – Нам с тобой бесполезно дразнить друг друга, все равно обидеть не удастся.

– Это верно, – заметил Кеннет, глядя на сестру с любовью, – однако твой лорд Нотт мне не нравится.

– Ты не видел его ни разу.

– Как будто ты видела.

– Однажды, – созналась Кейлин, – но мне этого хватило.

– Учти, я не отдам сестру за кого попало.

– Учти, я самостоятельная, братик.

Вошла горничная с подносом; пока она накрывала на стол, разливала чай по чашкам и раскладывала по тарелкам бисквиты, брат и сестра молчали. Кеннет вновь взял газету и уставился в нее, Кейлин смотрела в окно.

– Все-таки хорошо, что мы приехали сюда, – заметила она, когда горничная вышла. – В Фэйрхед-Мэнор я чувствую себя гораздо спокойнее, чем в Лондоне.

– Может быть, я вернусь туда после празднования нашего дня рождения, – сказал Кеннет, не отрываясь от чтения.

– Может быть? – удивилась Кейлин. Она знала, что брат не пробудет в поместье ни одного лишнего дня; Кеннет обожал шумный Лондон и свою деятельность в палате пэров.

– Н-да.

– Почему твои слова звучат столь неуверенно?

– Гм.

– Исчерпывающий ответ, – подозрительно заметила Кейлин и потянулась за чашкой одновременно с Кеннетом. Они синхронно отхлебнули горячую янтарную жидкость и уставились друг на друга.

– Вчера кое-что произошло, – туманно объяснил Кеннет и снова замолчал. Кейлин закатила глаза.

– Мне нужно из тебя каждое слово вытаскивать?

– Ладно, хорошо, я расскажу! Когда я отправился на верховую прогулку вчера, то кое-кого встретил.

– Шерру и Аделию, если я правильно помню.

– И еще одну девушку. Ее имя мисс Эмбер Ларк, она гувернантка Бруно.

– О! Занятно. И что же?

– Я пригласил ее сегодня приехать к нам.

Кейлин нахмурилась:

– Ты уверен, что поступил правильно? Она благородного происхождения? Не подумай, что я стану возражать, Кеннет, если она незнатна, однако не поставил ли ты девушку в неудобное положение?

– Отнюдь. Судя по выговору и поведению, воспитание она получила превосходное. Даже если она не принадлежит к благородному сословию, что с того? Мне захотелось увидеть ее еще раз, и я осмелился пригласить ее. Да и Шерра не возражала. Думаю, она нашла бы способ меня предупредить, если бы мое предложение выглядело непристойно.

– Ты же знаешь, что Шерра слегка рассеянна. – Кейлин задумчиво смотрела на брата. – Что же это за девушка, если она произвела на тебя такое впечатление?

– Она очень красива. Волосы удивительного оттенка, глаза – словно топазы. Она напомнила мне маму с того портрета, что висит в библиотеке.

– Не думала, что тебе нравятся женщины, похожие на маму. Сколько помню, ты всегда предпочитал блондинок.

– Значит, я ошибался.

– Осторожнее, Кеннет, – предупредила Кейлин. – Если бы она была гостьей Шерры, я воздержалась бы от предупреждений; но она гувернантка. В любом случае, для виконта Фэйрхеда это не партия.

– Об этом речь не идет! – отрезал Кеннет. – Пока не идет. И не знаю, зайдет ли. Я для того и пригласил ее сегодня, чтобы узнать поближе.

– Не вздумай давать девушке ложные надежды!

– Кейлин! Перестань меня учить!

– Я просто слишком хорошо тебя знаю, мой дорогой.

До Фэйрхед-Мэнор, объяснила Шерра, всего-то полчаса неспешной езды в экипаже. Можно было бы проехать верхом, да толку? Джонатан, однако, точку зрения жены не разделял: он предпочел, чтобы ему оседлали коня, и ехал рядом с открытым экипажем, дабы поддерживать беседу. Коляска, в которой удобно разместились Шерра, Аделия, Эмбер и Бруно, катила по солнечной дороге.

Эмбер чувствовала себя немного скованно. Она по-прежнему не понимала причин, по которым виконт ее пригласил, – а ведь он чем-то руководствовался кроме вежливости, откуда-то Эмбер это знала. Просто ощутила это, спрятанное за его вчерашними словами. Что-то произошло вчера между нею и Кеннетом, пока они просто говорили, и всего-то несколько кратких минут потребовалось для этого.

Перед поездкой в гости Эмбер тщательно выбрала платье. Не так уж много у нее было парадных туалетов; поразмыслив, девушка решила, что совсем парадный – это ни к чему, и удовольствовалась нарядом темно-голубым, чей цвет походил на цвет глаз виконта. Отчего-то

этот крохотный нюанс взволновал Эмбер. Она попросила горничную, с которой водила некоторую дружбу и которая обычно укладывала волосы Аделии, сделать ей прическу; служанка постаралась на славу. Волосы Эмбер оказались уложены просто, но тщательно, и она почувствовала себя увереннее. Чтобы эту уверенность ощутить еще лучше, Эмбер надела на шею цепочку с любимым своим украшением – крохотной птичкой, вырезанной из янтаря.

И вот они ехали в гости.

Через некоторое время Эмбер решила обратиться к Шерре с вопросом:

– Миледи, могу ли я узнать?..

– Да, мисс Ларк?

– Должна ли я что-нибудь знать о Фэйрхедах, чтобы не сказать лишнего? Я не хочу поставить кого-либо в неловкое положение.

– Об этом я не подумала, – сказала Шерра. – Что ж, я вкратце вам о них расскажу, хотя ничего такого, чем вы с ходу могли бы их обидеть, нет. Первое, что вам надлежит знать, – это то, что Кеннет и Кейлин – близнецы.

– Вот как!

– Да, они родились в один день и час, и, хотя они не слишком похожи внешне, у них очень схожи характеры. Впрочем, это вы сами поймете... Их мать, Агнесса Фэйрхед, умерла при родах. Ее супруг Бальтазар – его тут все в округе знали – недолго горевал, коль скоро заполучил наследника.

– Шерра, – предупреждая заметил Джонатан, внимательно слушавший.

– А что? Это всем известно. Он на ней женился только ради продолжения рода, мне мама рассказывала – совсем не любил бедняжку. Бальтазар Фэйрхед был тяжелым человеком, с соседями почти не общался, мы его и не видали-то почти никогда. Он скончался пять лет назад, и Кеннет унаследовал все. Мальчик очень серьезно отнесся к наследству и свалившимся на него обязанностям. А ведь ему всего девятнадцать.

– Почти двадцать, – подняла голову Аделия, – совсем скоро исполнится!

– Тебе лучше знать – ты с ним играла, – вздохнула Шерра. – Кеннет сразу же после получения наследства переехал в Лондон, с помощью управляющих взял дела под контроль. Сюда они с сестрой навещаются редко, в основном мы видимся в столице. Кейлин – моя лучшая подруга. Вот и все; думаю, этого хватит пока, мисс Ларк.

– Да, благодарю вас, – кивнула Эмбер.

– А вон и Фэйрхед-Мэнор! – воскликнул Джонатан.

Эмбер чуть приподнялась, чтобы разглядеть дом, и заслужила насмешливый взгляд Аделии.

В отличие от Грейхилла, стоявшего на холме в окружении парка и леса, Фэйрхед-Мэнор располагался в долине, выгнутой, будто чаша. Эмбер еще ни разу не бывала здесь, так как почти не покидала поместья Даусеттов и не забредала в своих прогулках на земли соседей. Она и о Фэйрхедах узнала только вчера. Дом у виконта оказался внушительный: четырехэтажный, выстроенный из серого камня, с рядами тускло блестящих окон, он, определенно, выглядел старше, чем Грейхилл. Вымощенные дорожки разбегались во все стороны, а за домом, совершенно очевидно, прятался сад, которого с подъездной аллеи было не разглядеть. Несмотря на теплый день, из труб поднимался дым – наверняка не только из кухни, но и из каминов, которые в таком доме нужно топить каждый день, иначе в комнаты прокрадет сырость.

Коляска въехала на подъездную аллею, обсаженную старыми дубами; их листва таинственно шелестела, навевая мысли о старине и фамильных призраках. Эмбер невольно задумалась о том, что было бы, родись она не просто знатной, но еще и богатой. Как тогда сложилась бы ее жизнь? Каким человеком она бы стала? Иногда Эмбер ощущала себя пустым сосудом; она наполняла свои дни учебой, чтением, прогулками, и все же ей казалось – это не то, она не для того рождена. А для чего – понять не могла, как ни искала. У каждого человека на земле

должно быть самое важное, только ему принадлежащее дело; Эмбер не знала, какое Бог подарил ей. Просто жить – это не миссия, это данность. Может быть, судьба подскажет; главное, вовремя углядеть подсказку.

Коляска описала полукруг и остановилась у крыльца; из дома тут же показались слуги. Их было трое, один принял коня у Джонатана, двое помогли дамам сойти на землю. Эмбер спустилась по лесенке, оправила юбки, взяла за руку притихшего Бруно и с любопытством огляделась. Вблизи дом выглядел еще более внушительно, чем издали. Как выяснилось через минуту, и внутри он был отделан превосходно.

Гостей провели в холл, вымощенный черно-белой плиткой, где их с поклоном встретил дворецкий. Во всяком случае, Эмбер решила, что это дворецкий, хотя мужчина в добротном костюме выглядел достаточно молодо для такой ответственной должности. Он с улыбкой приветствовал Даусеттов; Эмбер постаралась вести себя как можно незаметнее. Чем бы ни руководствовался виконт, приглашая ее, не стоит усугублять ситуацию вызывающим поведением.

– А, Бертрам! – воскликнула Шерра. – Рада вас видеть!

– Взаимно, леди Даусетт! Их светлости ожидают вас в гостиной.

Еще раз поклонившись, дворецкий повел гостей по широкому коридору, тянувшемуся вдоль первого этажа справа от лестницы, и распахнул одну из многочисленных дверей. Эмбер с Бруно вошли последними, и девушка украдкой осмотрелась. Большая комната, на полу индийские ковры, отделка выполнена в темно-бордовых тонах; все это смотрелось бы мрачно, если б не золотистые занавески и обивка диванов им в тон.

Из кресла навстречу гостям поднялась высокая девушка с затейливо уложенными каштановыми волосами; Эмбер стояла достаточно близко, чтобы разглядеть и нежный овал лица, и радостный блеск серо-голубых глаз. Она ожидала встретить почти точную копию виконта Фэйрхеда, только в женском варианте, однако ошиблась. Некоторое сходство, несомненно, имело место, однако назвать близнецов точными копиями друг друга никто бы не рискнул. Однако, когда Кейлин Фэйрхед улыбнулась и заговорила, Эмбер поняла, что сходство таилось не во внешности, но в манере говорить и двигаться; мимика брата и сестры оказалась удивительно схожей.

– Шерра, ну наконец-то! Мой несносный брат все откладывал приезд, дотянул почти до последнего.

– Всегда я во всем виноват! – заметил виконт. Эмбер не заметила его сразу – оказывается, он стоял сбоку, у окна. – Кейлин мне всю совесть проела, что, дескать, в Лондоне скучно, вы уже здесь, пора и нам ехать...

– Это потому, что ты не подкаблучник, как я, – со смехом произнес Джонатан. – Как только Шерра сказала, что нужно уезжать в Грейхилл, я немедленно распорядился паковать вещи.

– Не слушай его, Кеннет! – засмеялась Шерра. – Знал бы ты, каких трудов стоило его вытащить из его обожаемого клуба!

Они говорили почти одновременно, весело и громко, как люди, которые давно и хорошо знают друг друга и между которыми не иссякает дружба; да так оно, собственно, и было. Эмбер ощутила непонятное горькое чувство внутри и через мгновение опознала его: грустная зависть. Как бы ей хотелось иметь семью вроде Даусеттов, где, конечно же, случаются ссоры, однако это не мешает всеобщей любви.

– Мисс Ларк, – Эмбер и не заметила, как виконт оказался рядом и протягивал ей руку; она нерешительно протянула свою, и Кеннет прикоснулся губами к тыльной стороне ладони. – Я так рад, что вы не пренебрегли моим приглашением и приехали сегодня.

– Что вы, – застенчиво произнесла Эмбер, – как же я могла им пренебречь!

И поняла, что произнесено это было в полной тишине: все присутствовавшие в комнате умолкли и внимательно смотрели на нее и виконта. Джонатан, к счастью, вспомнил о приличиях:

– Кейлин, вы же не представлены. Мисс Эмбер Ларк – леди Фэйрхед.

– Добро пожаловать, – произнесла сестра Кеннета с непонятым выражением – то ли Эмбер не приглянулась ей с первого взгляда, то ли выглядела недостаточно хорошо для столь благородного общества. – Как поживаете, мисс Ларк?

– Благодарю вас, хорошо, леди Фэйрхед.

– Вы давно в Грейхилле?

– Только два месяца.

– О, совсем недавно. Как вам наши края?

– Здесь очень тепло.

– Вот в Индии тепло, это верно, – заметил Кеннет. Он так и не отошел от Эмбер, стоял неподалеку, и его присутствие ее волновало. И еще беспокоил взгляд Кейлин – пристальный, изучающий. – Мне Ричард рассказывал.

– Ричард успел побывать и в Индии? – заинтересовался Джонатан.

– Говорит, что изучал тамошние болезни.

– Надеюсь, он не на себе экспериментировал! – передернула плечами Шерра.

– Вот приедет, и ты его сама спросишь, – сказала Кейлин.

– О, Ричард приезжает? Когда?

– Через три дня, как и все остальные гости; скоро тут будет не протолкнуться.

– Кейлин хочет праздника, – заметил Кеннет.

– Конечно, хочу, глупый! – фыркнула та. – Это наш с тобой общий праздник, не забывай.

– Может быть, пройдем в столовую? – сказал Кеннет. – Что стоять посреди гостиной...

Джонатан предложил руку Кейлин, а виконт – Шерре, как старшим из присутствующих дам; впрочем, Эмбер достался Бруно, который, подражая отцу, важно повел свою даму в столовую. Бедственное положение оставшейся без кавалера Аделии, впрочем, длилось недолго: Кеннет оглянулся, спохватился, извинился и заметил, что две дамы – это вдвойне прекраснее, чем одна. Аделия, просияв от счастья, взяла виконта под вторую руку.

Глава 4

Столовая оказалась монументальной. В этой длинной комнате с высоким потолком можно было устраивать званые обеды человек на полтора.

– Надеюсь, вы с Кейлин не сидите на разных концах этого длиннющего стола? – со смехом спросила Шерра у Кеннета.

– Нет, мы не настолько не любим друг друга. А вот отец с матерью, как говорят старые слуги, так и обедали. Он – на этом конце, она – на том, между ними – миля полированного дерева. Все приличия соблюдены, но общаться невозможно.

Кеннет уселся во главе стола; по правую руку от него устроилась Кейлин, рядом с нею – Аделия, Шерре досталось место по левую руку, за женою уселся Джонатан, а приборы рядом с ним, видимо, предназначались для Эмбер и Бруно. Будто из ниоткуда возникли слуги, подавшие первую перемену. Разговор потек еще оживленнее; говорили о каких-то событиях из прошлого, общих лондонских знакомых и новостях, в которых Эмбер ничего не понимала. Она следила, чтобы Бруно вел себя прилично, тихо отвечала на его вопросы, если знала ответ, слушала и наблюдала.

Теперь, когда Кейлин и Кеннет сидели рядом, сходство между ними еще больше бросалось в глаза. У обоих были каштановые волосы, только у брата гораздо темнее, чем у сестры, и глаза голубые, но разного оттенка. Наверное, близнецы не замечали, как повторяют жесты друг друга, неосознанно делают что-то в один и тот же миг, одинаково улыбаются, склоняют голову, говорят. Привыкшие к их поведению Даусетты ничуть не удивлялись и непринужденно болтали, а чужая этим людям Эмбер получила возможность рассмотреть Фэйрхедов получше.

Несколько раз она ловила на себе внимательный взгляд Кейлин и чаще – непонятный, полный искреннего интереса взгляд Кеннета. Виконт, казалось, так же пристально изучает Эмбер, как и она его. И это волновало, волновало больше, чем бедная гувернантка может себе позволить. Теперь она была почти уверена, что Кеннет являлся ей во снах; она совершенно точно помнила и его поворот головы, и движения рук, и усмешку. Он ей снился, только Эмбер часто забывала сны, и вот они всплывали из пучины памяти, словно глубоководные рыбы, и медленно плескали хвостами. Она помнила, как бежала за ним, протягивала руки, а он уходил все дальше и дальше, и она так хотела и не могла его догнать...

– Мисс Ларк? Вы меня слышите?

– Простите, – очнулась Эмбер, – я задумалась.

– Надеюсь, о чем-нибудь приятном. – Виконт вертел в руках бокал. – Вы, значит, приехали с севера, раз вам тут так тепло?

– Я воспитывалась в пансионе Святой Марии неподалеку от Морпета. Моя тетушка отправила меня туда, когда мне исполнилось десять.

– Как ее звали?

– Мисс Мейда Ларк; она воспитывала меня. Мои родители рано умерли.

– Это очень печально, – сказала Кейлин.

– Но ваша тетушка, надеюсь, пребывает в здравии? – заботливо осведомился Кеннет.

– Увы, нет. Она скончалась четыре года назад, и я не видела ее с десяти лет.

– Примите наши соболезнования, мисс Ларк, – произнес Кеннет так, как будто и вправду соболезновал.

– О, все давно в прошлом. И мы с тетушкой никогда не были близки. – Эмбер решила не развивать тему. В конце концов, кому за этим столом действительно интересны подробности ее семейных отношений? Даусетты все знают, Кейлин смотрит не то чтобы приветливо; разве что Кеннету, не отрывавшему жгучего взгляда от Эмбер, однако не следует утомлять остальных.

Шерра разбила повисшую паузу, поменяв тему:

– Так что вы задумали, признавайтесь?

– Что ты имеешь в виду? – Кеннет с трудом перевел взгляд на леди Даусетт.

– Ваш день рождения, разумеется!

– Ах, это. Пускай Кейлин расскажет, я не силен в подобных описаниях.

– Я тоже не расскажу, – лукаво прищурилась Кейлин, – потому что это сюрприз!

– А фейерверк будет? – спросила Аделия; и хотя она явно адресовала вопрос Кеннету, ответила его сестра:

– Ладно, эту тайну раскрою: будет. И бал, конечно же, и еще охота. Но все подробности – потом!

– Вы все приглашены, – Кеннет обвел взглядом сидящих за столом. – И вы, мисс Ларк.

Этого Эмбер не ожидала. Одно дело – присматривать за хозяйским сыном, когда хозяйева собираются на обед к друзьям; другое дело – оказаться на празднике, где она совершенно точно будет лишней.

– Не думаю, что это... – начала Эмбер.

– Не думаю, что мисс Ларк сможет, – перебила ее Аделия. – Она ведь присматривает за Бруно, его надо воспитывать, и вряд ли она может надолго отвлекаться от своих обязанностей.

– Не будь такой занудой, дорогая подружка! – рассмеялся Кеннет. – Ради такого случая можно и пропустить пару дней. Да ведь Бруно я тоже приглашаю, конечно, если ты, Шерра, разрешишь.

– Почему бы нет? – пожала плечами леди Даусетт, явно не видя в ситуации ничего предосудительного. Аделия метнула на Эмбер колкий взгляд; той же хотелось сквозь землю провалиться.

– Мы это обсудим, – дипломатично произнес Джонатан.

– Вот и хорошо, – кивнул Кеннет.

– Думаю, мы не станем к вам переезжать на время праздника, – сказала Шерра, – до нас недалеко, а здесь и так будет не протолкнуться. Кстати, если у вас не хватит комнат, можете отправлять гостей к нам. Только аккуратных, пожалуйста. Я как раз обновила обстановку.

– Не хватит комнат? В этом мавзолее? – Кейлин закатила глаза. – Да ты, наверное, смеешься! Сюда можно впихнуть весь лондонский свет, и еще останется место для лакеев. Прапрадед строил на славу.

– Вряд ли он делал это сам, – хмыкнул Кеннет. – Скорее на него работала уйма архитекторов и строителей. Но прапрадедушка, судя по семейным хроникам, был человеком деятельным; так что не удивлюсь, если он жил здесь неподалеку в сторожке все время, пока шла стройка.

– У нас в Маттон-Холле, если вы помните, тоже работали люди, преданные своему делу, – оживилась Шерра. – Недавно решили снести пристройку – и что? Несколько дней ушло, чтобы хотя бы пол-этажа разобрать.

И разговор вновь вернулся к семейным делам.

После обеда хозяйева и гости переместились в сад; на лужайке оказался накрыт стол со сладостями и фруктами, стояли удобные кресла, легкий ветерок играл углами вышитой скатерти. Бруно потянул Эмбер посмотреть заинтересовавший его фонтан в глубине сада; она извинилась и пошла следом за мальчиком.

На Фэйрхедов, наверное, работает целая армия садовников – где заканчивается этот сад, Эмбер боялась даже предполагать. Она шла за Бруно по тропинке среди цветущих жасминовых кустов, над которыми с басовитым гудением вились пчелы. Фонтан оказался небольшим и чистеньким, из каменного цветка тонкими струями лилась вода. Эмбер присела на бортик, Бруно устроился рядом и начал болтать без умолку – все-таки присутствие взрослых сковывало мальчика, а выговориться хотелось. Эмбер слушала вполуха, размышляя о своем.

Почему виконт пригласил ее на праздник? Господи, да ведь они совсем не знают друг друга, виделись мельком, сегодня едва ли десятком фраз перебросились; и это уже обычной вежливостью не назовешь. Аделии явно не понравился интерес Фэйрхеда, вон как глазами засверкала. Она с ним дружит, они вместе играли в детстве, и виконт воспринимает ее как товарища детских игр; а она? В резких фразах Аделии усматривалась болезненная ревность. Эмбер ни в коем случае не хотела вызывать у кого-либо нехорошие чувства, она предпочитала держаться в тени и оставаться там, где она есть, не вылезая вперед. Другая, возможно, ухватилась бы за интерес виконта, чтобы упрочить свое положение; Эмбер не собиралась этого делать. То, что она почувствовала к Кеннету, не поддавалось описанию и логическому объяснению, тяга к почти незнакомому человеку пугала Эмбер. Так не бывает, считала она раньше – и вот, ошиблась. К чему это приведет, оставалось только гадать. Одно Эмбер знала точно: уехав отсюда сегодня, попрощавшись с виконтом, она в тот же миг начнет скучать. Как будто ее привязали к Кеннету крепкой веревкой, если дернуть – кажется, что порвется; а на самом деле это цепь.

И еще Эмбер не могла понять, понравилась она Кейлин или нет. Почему-то это тоже казалось важным. Одобрение или неодобрение леди Фэйрхед ничего не изменит в судьбе соседской гувернантки, однако брат с сестрой так похожи, что Эмбер казалось, будто чувства Кейлин передадутся Кеннету. Мысли Эмбер повернули в другую сторону. Интересно, каково это – быть единым целым, так часто совпадать в мыслях, что и не различить, где твои собственные слова, а где сказал близнец? Если бы Кейлин и Кеннет оказались диаметрально противоположными по характеру людьми, такие размышления были бы лишними; но Шерра права: они похожи, очень похожи. Вот, наверное, самая диковинная и самая счастливая степень родства: кто-то, понимающий тебя так же хорошо, как ты сам. Удивительное чувство, должно быть.

– Мисс Ларк, вот вы где!

Задумавшаяся Эмбер часто заморгала, глядя на виконта, который появился словно из ниоткуда – а на самом деле, конечно же, пришел по той же самой дорожке, что и они с Бруно.

– Ваша светлость...

– Нет-нет, не вставайте, сидите. Я присяду рядом, можно? – Не дожидаясь разрешения, он уселся на расстоянии вытянутой руки от Эмбер и с любопытством уставился в воду. – Раньше здесь водились крохотные золотые рыбки.

– Правда? – обрадовался Бруно.

– Да, молодой человек, правда.

– А где они сейчас?

– М-м... Полагаю, они уплыли в море. – И Кеннет добавил тихо, чтобы слышала только Эмбер: – Передохли, конечно же, пока некоторое время дом стоял пустой.

Эмбер не удержалась от смешка.

– Бедные рыбки.

– Почему бедные? – удивился Бруно, расслышавший ее слова. – Они же уплыли в море.

– Да, в далекое синее море, – подтвердил Кеннет и вновь добавил потише: – Да простит мне Господь эту невинную ложь... Но кто знает, куда попадают после смерти маленькие золотые рыбки?

Он ее смешил.

– Нас с Бруно, наверное, ищут?

– Нет, это я вызвался вас поискать, так как сейчас подадут чай, а нам не хватает вашего общества.

– Милорд, вы, верно, шутите. Моего общества вряд ли кому-то может не хватать.

– Почему вы так думаете? – спросил он с не вполне понятным удивлением. – Мне его точно не хватает, так что один человек уже есть. Даже этого достаточно.

– Я не та особа, чтобы по мне скучали, – откровенно высказалась Эмбер.

– Это в вас излишнее воспитание говорит. Иногда о нем стоит позабыть, чтобы оно не мешало воспринимать жизнь такой, какая она есть.

– А какая она?

– Жизнь прекрасна.

Кеннет незаметно придвинулся, не отрывая взгляда от Эмбер, и она вновь ощутила то щекочущее беспокойство, ту мистическую связь, что была между ним и ею – теперь в этом сомневаться не приходилось. Эмбер оглянулась на Бруно – тот занялся поиском камушков и киданием их в фонтан и на разговор не обращал внимания.

– Вы ведь приедете на праздник? – негромко спросил Кеннет.

– Это неудобно.

– Отчего же, если я вас приглашаю?

– Милорд, вы позволите мне быть откровенной?

– Ваша откровенность – счастье для меня.

Эмбер помолчала, подыскивая правильные слова.

– Я всего лишь гувернантка, – мягко произнесла она. – Это не слишком уместно.

– Но вы ведь леди. Я спросил у Шерры, извините меня за такую вольность.

Значит, он нашел возможность и уточнил. Очень мило.

– Я не та леди, которую приглашают в изысканное общество.

– Почему? У вас третий глаз на затылке или, может быть, хвост растет? Или рожки, как у сатиров? – Кеннет двумя пальцами изобразил скрюченные рога. – Да, у вас нет поместья вроде Фэйрхед-Мэнор, так и что с того? Мне все равно радостно вас видеть.

– Я... не знаю.

Эмбер больше не могла придумать предлогов для отказа; на самом деле, отказываться ей не хотелось, конечно же. Та сила, что притягивала ее к Кеннету, требовала осмысления, требовала подтверждения; Эмбер хотела разобраться в природе собственных чувств, осознать, как мужчина из ее снов внезапно оказался реальным.

– Если леди Даусетт не будет возражать, я с удовольствием приеду.

– Вот и отлично! – просветлел Кеннет, встал и подал Эмбер руку. – А теперь давайте возвращаться, нас и вправду ждут.

Эмбер подозвала Бруно и пошла рядом с Кеннетом, чувствуя – нет, не счастье, – но головокружение.

Кейлин задумчиво проводила взглядом удаляющуюся коляску Даусеттов, помахала рукой и отвернулась от окна.

– Ну и как она тебе? – спросил Кеннет, развалившийся в кресле и закинувший ногу на подставку. – Правда ведь, очаровательна?

– Ты о мисс Ларк, я полагаю. Да, она мила. И все-таки что-то меня беспокоит.

– Если ты сейчас заведешь речь о ее низком происхождении, я могу и не сдержаться, – предупредил Кеннет.

– Нет, не в этом дело. – Кейлин прошлась по комнате, остановилась у камина, тронула кончиками пальцев статуэтку собачки на полке. – Она меня настораживает. Не могу этого объяснить, но мне кажется, что тебе лучше бы держаться от нее подальше.

– А говоришь, что понравилась тебе.

– Она понравилась. Правда. Только... Она не для тебя, Кеннет.

– И ты видишь это вот так сразу? – возмутился брат. – С первого раза?

– Ты же знаешь, я умею разбираться в людях.

– Я тоже.

Кеннет скривился.

– Тебе просто не нравится, что она гувернантка.

- Не стану скрывать, этот факт тоже имеет значение. Но дело не в этом.
  - В чем же тогда?
  - Не могу объяснить. Мне кажется, эта девушка принесет нам беду.
  - А мне – счастье.
  - Кеннет!
  - Не смотри на меня столь осуждающе, сестричка. Что, если я отыскал свою любовь?
  - Свет тебя не одобрит.
  - Какое мне дело до мнения света? Она же не кухарка, в самом деле.
  - Ты еще совсем мальчишка, – покачала головой Кейлин.
  - Мне столько же лет, сколько и тебе, разве что на несколько минут побольше. А ты почему-то полагаешь себя старше и умнее.
- Вот теперь он действительно рассердился – Кейлин видела это по глазам, ощущала злость, как давящую тяжесть.
- Я не хочу обижать тебя или мисс Ларк, Кеннет. Я хочу, чтобы ты хорошенько все обдумал.
  - Боишься, что я наделаю глупостей?
  - Или она.
  - Не беспокойся, сестренка. Все будет благопристойно, я обещаю.

Глава 5

Эмбер выждала денек, прежде чем обратиться за помощью к Шерре. По возрасту ей была ближе Аделия, но Аделия, относившаяся к гувернантке ранее спокойно и равнодушно, после визита к Фэйрхедам Эмбер невзлюбила. Наверное, потому, что Кеннет обратил на мисс Ларк внимание. Шерра же, рассеянная и веселая, вызывала у Эмбер больше доверия.

Хозяйку дома она подкараулила в саду, когда та вышла, чтобы срезать несколько ранних роз. Шерра любила цветы и сама составляла букеты, которые затем распределяла по вазам и комнатам. Высокомерные розы, нежные фиалки, белоснежные лилии – все находили свое место. Шерра напевала, выбирая цветы, и не сразу заметила, что Эмбер подошла.

– Леди Даусетт!

Шерра выпрямилась.

– А, это вы, мисс Ларк.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Что-нибудь не в порядке с Бруно? – забеспокоилась Шерра.

– О нет, с ним все хорошо. Он здоров, а сейчас играет с миссис Моуди. – Эмбер замялась. – Это по поводу приглашения виконта Фэйрхеда...

Шерра положила в корзинку очередную срезанную розу и придирчиво уставилась на оставшиеся.

– Да?

– Стоит ли мне его принимать?

– Если вы хотите, то конечно, – пожала плечами Шерра. Она явно не видела никаких проблем; для Эмбер их было море.

– Но это... сопряжено с некоторыми трудностями...

Леди Даусетт выбрала розу; шелкнули садовые ножницы.

– Вы имеете в виду, этично ли это? Ну конечно же, этично. Вы ведь леди.

– Я не такая леди, чтобы ездить к виконтам, – высказала свои сомнения Эмбер.

Шерра внимательно посмотрела на нее.

– А почему, собственно? Потому что вы работаете в нашем доме, мисс Ларк? Но это же глупость. Вы прекрасно воспитаны, умеете вести себя в обществе, унаследовали пусть небольшое, но состояние. Я не питаю никаких иллюзий, будто вы останетесь у нас навсегда. Однажды на вас обратит внимание какой-нибудь джентльмен, и вы удачно выйдете замуж; при вашей красоте и мягком характере это дело пары лет.

Эмбер не думала, что леди Даусетт воспринимает ее именно так.

– Но для этого вам нужно начать выезжать, – спокойно продолжала Шерра, – а пока у вас не было такой возможности. Сельский праздник – отличный шанс познакомиться с людьми нашего круга. Который, если вы не забыли, также и ваш.

– О, леди Даусетт! – растроганно сказала Эмбер.

– В пансионе вам, верно, твердили быть скромнее? – усмехнулась Шерра, выжививая очередную бледную розу из куста. Шелк! – Забудьте об этом на некоторое время. Я буду рада, если вы окажетесь удачно пристроены, так что поедете с нами к Фэйрхедам, даже если Бруно останется дома.

– Но я никогда не бывала в столь блистательном обществе, леди Даусетт.

– А, понимаю. – Шерра окинула взглядом простое платье Эмбер. – Думаю, эту проблему мы решим. У меня полно платьев, которые я не ношу, и у Аделии кое-что найдется. Мы подгоним вам по фигуре.

– Разве это удобно?

– О Господи, в каком же мире вы жили до этого? – изумилась Шерра. – Ну разумеется, это удобно. И не вздумайте возражать.

Ричард вылез из кареты и задумчиво посмотрел на дорогу, еще не просохшую после вчерашнего дождика. Тут и там стояли лужи, в колеях отпечатались следы колес. Высунувшийся следом за хозяином зевающий Филипп осмотрел это безобразие и заметил:

– Может быть, вы все-таки вернетесь в экипаж, милорд?

– Нет, я хочу прогуляться. – Ричард свистнул, подзывая собаку; Самир радостно выпрыгнул на дорогу и поскакал, разбрызгивая грязь.

– А что мне передать виконту?

– Скажи, что я появлюсь через час. Он не видел меня две недели, еще один час точно переживет. – Ричард полагал, что в такую рань Кеннет еще спит, так что и объясняться не придется.

– Хорошо, милорд.

Дверца захлопнулась, кучер стегнул лошадей, и карета, покачиваясь, покатила в сторону Фэйрхед-Мэнор. Впрочем, эти земли вроде бы уже принадлежат Фэйрхедам; или нет? Ричард бывал в поместье несколько раз, однако границами, проходящими по «вон тому ручью» и «за той изгородью», особо не интересовался. Дорога все равно выведет его к дому, а в такое хорошее утро и прогуляться не грех.

Впрочем, многие сочли бы утро неподходящим для прогулок: тучки закрывают солнце, да и дождь вчера был. Глупцы, ничего они не понимают в красоте природы. Ричард пошел вперед, обходя лужи и периодически тыкая тростью во все подозрительные места. Сапоги он испачкает, это верно, не зря Филипп так кисло смотрел – чистить-то лакею. Но вот поскальзываться – это лишнее, негоже являться к друзьям в измазанных штанах. А правая нога может подвести, знал за ней Ричард эту подлую особенность. На ровной дороге или на тротуаре возможно избежать конфуза, а здесь, в перевозданной глуши...

Впрочем, тут он погорячился: какая здесь первозданная глушь? Все перепаханно, там пшеница всходит, там овес колосится, а здесь овцы пасутся. Всего-то четыре часа езды от Лондона, но, черт возьми, как хорошо! После дождя запахи земли и свежей травы поднимаются, словно прилив; возятся в листве деревьев просыпающиеся птицы; жемчужный рассвет уже покорило небо, и солнце, стоящее низко, прячется за облаками – поэтому свет странный, розовато-серый. От этого зелень полей еще ярче.

Ричард, как человек, который много путешествует по миру, любил смотреть по сторонам и подмечать особенности. Так он выявил, что в разных частях мира совсем разный свет. Как патриот, Ричард любил вот этот свет английского раннего утра, неповторимый, не слишком яркий, но приятный глазу; затем, конечно же, итальянский свет – удивительное рассеянное сияние бледно-золотого оттенка, вдохновлявшее не одно поколение живописцев. В Индии все яркое, словно Бог, когда раскрашивал страну, выбрал самые насыщенные краски в своей палитре. Иногда Ричард сожалел об отсутствии у себя художественных способностей, хотелось запечатлеть на холсте то, что видел, только он даже домик не мог с прямыми стенами изобразить – куда уж картины писать. И приходилось запоминать, записывать вечерами, сидя у окна гостиницы или у костра, или в кабаке, или на палубе корабля; торопливо выводить строчки при меркнувшем свете или в сиянии единственной свечи. В старости Ричард предполагал перечитывать свои записки, а может быть, составить из них книгу. Нет, он не мнил себя писателем. Но что-то духовное нужно оставить потомкам, кроме семейных владений. Если они, потомки, будут.

Самир залаял недалеке – то ли мышшь выкопал, то ли зайца спугнул. Ричард свистнул, подзывая его, и пес вскоре показался на дороге: светлая шерсть уже частично залапана грязью, морда довольная, нос в глине. Точно, мышшь копал.

– Красавец, – сказал ему Ричард.

Самир довольно фыркнул и унесся снова. Ричард за него не беспокоился: нюх у пса отличный, никуда он не денется, от хозяина далеко не отойдет.

Дорога петляла, солнце поднималось все выше, облака рассеивались. Ричард принялся насвистывать матросскую песенку – выучил, когда возвращался из Индии. Песенка была так себе, не слишком приличная, одним словом – матросская. Но благородных леди поблизости нет, шокировать некого, да и слова Ричард не пропевал. С пением у него дела обстояли приблизительно так же, как с рисованием.

Когда он дошел до очередного поворота дороги, солнце, наконец, робко выглянуло в прореху в тучах и сразу Ричарду заулыбалось. Мир немедля стал смотреться намного дружелюбнее, и Ричард остановился у очередной изгороди, чтобы передохнуть. Он прислонил рядом трость, оперся о мшистый верх каменной стенки и некоторое время наблюдал, как над долиной переливаются облака, как блестит озеро вдалеке, как по земле скользят тени. С севера пришел прохладный ветер, растрепав волосы Ричарда, выбившиеся из-под шляпы.

– Хороший день, – сказал он сам себе, подхватил трость и направился дальше.

Все-таки он немного переоценил свои силы, так что идти пришлось медленнее. Ну да никакой в том беды нет; явится в Фэйрхед-Мэнор как раз к завтраку. Прикидывая, сколько еще осталось идти, и припоминая очередную песенку, Ричард повернул в несчетный раз и приостановился.

У изгороди стояла чалая лошадь под седлом, а рядом с нею – девушка; она приподняла левую переднюю ногу лошади и что-то там сосредоточенно высматривала на копыте.

Сначала Ричард подумал, что встретил Кейлин, но, подойдя ближе, увидел, что ошибся. Профиль не тот, и платье слишком простое и блеклое – Кейлин предпочитает яркие цвета. Чтобы не ставить даму в неудобное положение, Ричард окликнул ее:

– Вам нужна помощь, мисс?

Она резко выпрямилась и повернулась к нему. Нет, эта девушка была Ричарду незнакома, и совершенно напрасно – давно он не видел столь прелестного создания. Она не блистала яркой, уверенной красотой, как та же Кейлин, не было в ней и очарования наивных дебютанток. Темно-шоколадные волосы собраны и почти все упрятаны под шляпку, но несколько прядей выбилось, и они живописно обрамляют лицо девушки, румяное после недавней скачки. Лицо округлое, кожа нежная, а глаза удивительного цвета – как Средиземное море у берега в яркий солнечный день, голубые, затягивающие. Незнакомка оказалась где-то на голову ниже Ричарда, стройненькая, с высокой шеей и небольшими руками в простых матерчатых перчатках.

Она улыбнулась:

– Ничего ужасного, милорд. Моя лошадь потеряла подкову.

– Дайте-ка я посмотрю. – Он шагнул к чалой, слегка потеснив знакомку, приподнял толстую лошадиную ногу и с сожалением констатировал: – Вы правы. Потеряла.

– Если я правильно помню, что на лошади, потерявшей подкову, ездить нельзя, – задумчиво сказала девушка.

– Если напорется на камень, может охрометь.

– Значит, поведу ее домой так. – Девушка погладила чалую по упитанной морде; судя по всему, эта лошадка не бедствует. – Несчастливая Маргаритка!

– Это животное зовут Маргаритка, – сказал Ричард, – а вас?

Она ответила, продолжая поглаживать лошадь:

– Мисс Эмбер Ларк.

– Очень необычно. А я Ричард Мэнли. Вы живете где-то поблизости?

– В Грейхилле.

– Имение Даусеттов, верно? – припомнил Ричард. – Это далеко?

– Отсюда – нет. Всего пара миль через поля.

– И вы собираетесь одолеть эту пару миль пешком? – Все леди, которых Ричард до сих пор встречал, скорее умерли бы, чем испачкались в весенней грязи. Даже Кейлин. – Вы храбрая девушка, мисс Ларк.

– О, это же совсем нетрудно.

– Зато очень грязно.

Она пожала плечами:

– Ботинки можно вычистить.

– То же самое я говорю своему лакею, – усмехнулся Ричард. – Но все же не проще ли дойти до Фэйрхед-Мэнор? Или вы не представлены?

– Я знакома с виконтом и виконтессой Фэйрхед, – ответила мисс Ларк и очаровательно зарозовелась, добавляя этот румянец к предыдущему. – Однако не думаю, что они сильно обрадуются моему появлению. Это не слишком уместно.

– С чего вы взяли?

– Я работаю гувернанткой у Даусеттов, – созналась Эмбер. – Мое положение несколько иное, чем у владельцев Фэйрхед-Мэнор.

– А положение помешает обратиться к конюху, чтобы он поменял подкову? – проворчал Ричард. Эмбер недоверчиво взглянула на него – то ли предыдущие джентльмены, с которыми она водила знакомство, переставали ее замечать, узнав о роде занятий, то ли он сказал что-то не то. Не поймешь этих женщин.

– Я почти никого там не знаю.

– И все же, как джентльмен, я не должен позволять вам идти через поля. Наилучшим выходом было бы посадить вас в карету и довезти до дома, да вот беда – карету я отпустил. Однако я точно знаю, где она теперь находится. Прогуляйтесь со мной?

– Не желаю быть вам обузой...

– Вы, судя по всему, скромница, мисс Ларк. Оставьте возражения. Я настаиваю.

Она снова улыбнулась. Ричарду понравилась эта улыбка – искренняя, непритворная. Он достаточно повидал людей, чтобы понимать, насколько они порою бывают лживы. А эта молоденькая гувернантка, неиспорченное дитя, вся насквозь видна, словно кусок стекла. Интересно, сколько ей лет? Семнадцать? Восемнадцать? Если она работает у Даусеттов, минимум восемнадцать должно быть.

Зашуршали кусты, показался Самир. Он с интересом воззрился на мисс Ларк, подбежал и обнюхал ее юбку, подойдя к вопросу весьма тщательно.

– Какой красивый!

Ричарду понравилось, что она не испугалась.

– Это ваш пес?

– Это Самир.

– Никогда таких не видела. Как называется эта порода?

– Сибирский хаски. Мне привезли его с севера России.

– Можно его погладить?

– Самир, это друг. – Пес фыркнул. – Теперь гладьте. Он запомнит ваш запах и будет защищать.

Эмбер засмеялась:

– Да у меня врагов нет; от кого меня защищать?

– От других злых собак.

Она трепала Самира за ушами, тот жмурился от удовольствия. Ричард наблюдал за действием с высоты своего роста, прищурившись.

– Не похоже, что он злой.

– Он с вами добрый. А на самом деле – ужасно свирепый зверь.

Эмбер недоверчиво покосилась на Ричарда снизу.

– Вы меня разыгрываете.

– Наполовину. Так что, идемте, мисс Ларк? Давайте я поведу вашу лошадь.

Эмбер выпрямилась, отпустив Самира, немедленно принявшегося отряхиваться.

– Хотите, я понесу вашу трость?

– Нет, спасибо, не стоит.

Левой рукой Ричард взял чалую под уздцы; хотелось бы предложить правую даме, однако так он далеко не уйдет. Впрочем, дама, похоже, не ждала такого предложения. Она спокойно шла рядом, оглядываясь по сторонам.

– Часто ездите верхом, мисс Ларк?

– Редко, потому и попала сейчас впросак, – мирно объяснила она. – Там, где я жила раньше, возможность кататься верхом выпадала нечасто. А здесь я не так давно. И лишь вчера набралась смелости попросить у леди Даусетт позволения ездить верхом по утрам.

– Жаворонки просыпаются рано?

Она оценила шутку:

– С первыми лучами солнца. А иногда и раньше.

– Я сам люблю просыпаться на рассвете, потому и гуляю тут.

– Вы живете неподалеку, мистер Мэнли? Я не встречала вас раньше, но, как уже сказала, я тут недавно.

– Хм. Нет. Я приехал в гости. – Ричард поудобнее перехватил трость; чалая мирно плелась позади.

Эмбер не стала уточнять к кому. Видимо, и так сделала закономерный вывод, коль скоро они шли к дому Фэйрхедов.

– Маргаритка – самая смиренная лошадь в конюшне. Именно поэтому мне ее оседлали. А я умудрилась сделать так, что она потеряла подкову.

– Вряд ли вы собственноручно эту подкову оторвали.

– Но Маргаритка потеряла ее, когда я ехала верхом. Значит, это на моей совести.

– Вам никогда не говорили, что вы излишне ответственны?

Эмбер пожала плечами:

– Это помогает выжить.

– А вам выживать приходилось?

Она что, не из благородных? Непохоже. Осанка, наклон головы, тонкие черты – девушка явно из знатной семьи, хотя, конечно, знал он и благородных уродцев, и красавчиков-плебеев. Что-то в ней было, неуловимо знакомое; словно Ричард уже встречал ее однажды. Ларк, Ларк... То ли слышал эту фамилию, то ли девушку видел. Но где бы?

– Ну, я не жила в трущобах и не голодала, если вы об этом. Однако нравы в пансионе иногда оставляли желать лучшего. И следовало воспитать в себе некие качества, чтобы существовать... – Эмбер запнулась, подбирая слово, – комфортно.

– Какие ужасы вы рассказываете.

– Вы надо мной смеетесь, мистер Мэнли?

– Да нет, – сказал Ричард, в очередной раз поудобнее берясь за поводья Маргаритки и стараясь не слишком сильно опираться на трость. – Скорее, я с вами шучу.

– Со мной редко шутят.

– Что же, у вас тяжелая жизнь в Грейхилле?

– Конечно нет! – воскликнула Эмбер в ужасе. – Грейхилл просто рай, а Даусетты – чудесные люди!

– Но вам чего-то не хватает, так?

Она даже приостановилась.

– Почему вы так решили?

– Вы так непринужденно болтаете с незнакомцем, но вполонину не понимаете шуток. То ли у меня отвратительное чувство юмора, то ли вы редко участвуете в веселых беседах.

– Я же говорила вам...

– О да. Мрачные стены каземата под названием «пансион для благородных девиц». Суровая юность.

– Вы весьма циничны, мистер Мэнли, – несмело упрекнула его Эмбер.

– И практичен. Это мое предназначение.

Ричард ожидал, что она переспросит, но она не переспросила; некоторое время они шагали в молчании.

У нее было прелестное имя, перекатывающееся на языке, словно кусочек жженого сахара. И волосы, выбившиеся из-под шляпки, чрезвычайно милы, и даже это простенькое платье не портит ее – скорее, подчеркивает достоинства фигуры и оттеняет красоту. Ричард поглядывал на Эмбер, однако так и не решил – действительно она столь воспитанна и неиспорченна или притворяется. Скорее первое, чем второе, но современные девицы научились играть в невинность.

Дорога вильнула, открылся вид на Фэйрхед-Мэнор. Эмбер в нерешительности замедлила шаг.

– Может быть, я все-таки пойду через поля? Мне не хочется никого утруждать.

– Мисс Ларк, вы меня весьма обяжете, если мне не придется гоняться за вами по пшенице. А я джентльмен и погонюсь, дабы выручить даму из тяжелого положения.

Это ее наконец рассмешило. Она расхохоталась, залиристо и звонко, и тут же прикрыла ладонью рот. Очень жаль: Ричард давно не слышал такого открытого и легкого смеха. Заслушавшись, он едва не поскользнулся и еле удержал равновесие, внутренне выругавшись и велел себе быть внимательнее. Не хватало еще шлепнуться в грязь на глазах у леди. Гувернантка, не гувернантка, но она леди, Ричард готов был об заклад побиться.

К счастью, до дома Фэйрхедов оставалось совсем немного. Разбитая дорога перешла в весьма приличную подъездную аллею, посыпанную гравием. Ричарду стало даже немного жаль, что прогулка заканчивается, – с мисс Ларк оказалось довольно легко как говорить, так и молчать. Очень ценное качество в женщине.

– А вон и мой экипаж. – И действительно, карета стояла у крыльца – в конюшни отогнать еще не успели. – Сейчас мы привяжем вашу Маргаритку сзади, и она как миленькая побежит следом. А вы поедете с комфортом, коль скоро вы его любите.

– Мне так неловко вас утруждать...

– Мисс Ларк! – простонал Ричард. – Вы меня удивляете! Для меня честь вам помочь!

– А вы будете гостить у виконта, да? – спросила она невпопад.

– Да, как и сотни две других людей. Нас тут будет много, я так понимаю.

Еще издали он увидел стоявшую на крыльце Кейлин; та приглядывалась, пытаясь разглядеть, кто идет, и вдруг резво двинулась навстречу. Ричард остановился – можно не торопиться. Маргаритку сейчас кто-нибудь заберет, хотя бы и мисс Ларк, весьма погрузневшая при виде леди Фэйрхед. Стесняется, не иначе.

– Ричард! – ужаснулась Кейлин, подойдя. – Ты что, действительно шел пешком?!

– Английские дороги – ерунда по сравнению с некоторыми тропинками, которые вьются в долине Ганга. – Ричард завладел рукой Кейлин и запечатлел поцелуй. – Рад видеть тебя. Как прошло великое переселение? Кеннет уже стенает, бросается на стены и просится в Лондон?

– Нет, к моему удивлению... Доброе утро, мисс Ларк. – Кейлин, казалось, только сейчас заметила Эмбер.

– Доброе утро, леди Фэйрхед...

– Я встретил мисс Ларк на дороге. У лошади отвалилась подкова, – внес ясность Ричард. – Так что сейчас я отправлю мисс Ларк в Грейхилл и после этого готов пить чай. Я даже привез этот чай с собой, дорогая Кейлин. Индийцы знают в нем толк. Кеннет уже встал?

– Пока нет. А я занималась тем, что распекала твоего Филиппа; как он мог бросить тебя на дороге!

– Это я его отослал. Да, у бедняги явно будет тяжелый день: сначала твои нотации, затем мои сапоги... – Ричард выразительно взглянул на обувь, измазанную грязью, и махнул своему кучеру. – Что ж, мисс Ларк, располагайтесь с удобствами в экипаже, скоро вы окажетесь в Грейхилле. – Он передал поводья Маргаритки кучеру и приподнял цилиндр освободившейся рукой. – Был очень, очень рад знакомству.

– Я тоже, мистер Мэнли. До свидания, леди Фэйрхед.

– До свидания, мисс Ларк.

– Бернс, отвезите молодую леди в Грейхилл.

– Да, милорд.

Ричард подождал, пока кучер поможет Эмбер забраться в карету, привяжет Маргаритку и взберется на козлы; шелкнул кнут, экипаж неторопливо покатил по аллее. Ричард и Кейлин проводили его взглядом.

– Она что, правда гувернантка? – спросил Ричард.

– Да, воспитывает маленького Бруно, сына Даусеттов.

– Но она леди?

– Да. Хотя родословная, наверное, знаменитыми именами не блещет.

Ричард внимательно посмотрел на Кейлин. Та погладила подбежавшего Самира, давнего своего знакомого.

– Она тебе не нравится.

– Не то чтобы. Я просто пока не поняла, что она собою представляет.

– Милая девушка.

Кейлин взяла его под освободившуюся руку.

– Для вас, мужчин, все женщины милые.

– Не скажи. Была у меня няня, вот уж нечисть в юбке. Впрочем, к черту подробности, идем пить чай. Пять часов недавно миновало. Пять утра, а не вечера, но кого волнуют такие подробности...

Глава 6

– Ну вот видите, – сказала Шерра, – это платье вам идет, как я и говорила.

Она развернула Эмбер, чтобы та могла увидеть себя в большом зеркале.

В комнатах Шерры царил легкий беспорядок: когда хозяйка собирается ехать в гости, вокруг все обычно завалено платьями (выбрать так трудно), драгоценностями (выбрать еще труднее), атласными туфельками, перчатками, веерами... Эмбер немного терялась среди всего этого великолепия. Сегодня утром из Фэйрхед-Мэнор доставили приглашение, и в нем после имен графа и графини Даусетт и мисс Маттон значилось имя мисс Ларк. Все официально, Кеннет не отказался от своих слов. Ехать придется. Эмбер это смущало, Шерру забавляло, а Аделию злило. Одному Джонатану было все равно.

Бруно вчера целый день вел себя отвратительно, капризничал, обидел миссис Моуди; потому на семейном совете решили, что на этот прием наследник не поедет. Может, на следующий, если научится себя вести. Бруно поревел немного, осознавая тяжесть совершенных преступлений, и притих; наверное, в другой раз не станет совать няне за шиворот пойманную в саду лягушку. Любовь к животным – это прекрасно, но не в тот момент, когда холодная, насмерть перепуганная лягушка пытается выбраться из-под твоего платья, отчаянно барахтаясь и доставляя массу незабываемых ощущений.

А Эмбер вот пригласили, и отказаться неловко, тем более что Шерра взялась за дело с присущим ей энтузиазмом. Она позвала Эмбер в свои покои и велела перемерить кучу платьев, пока наконец не остановилась вот на этом – нежно-зеленом с кремовой отделкой, с белоснежной вышивкой на рукавах и на лифе.

– Может быть, все-таки синее или серое? – проямлила Эмбер, глядя на полужнакомую девушку, отражавшуюся в зеркале. Никогда она еще не выглядела так.

– Да вы что, милая моя?! – ужаснулась леди Даусетт. – Вы не должны носить темные цвета! Вам же всего восемнадцать!

– Мне девятнадцать, – поправила Эмбер. – И я не дебютантка.

– В каком-то смысле вы дебютантка. Ну-ка, возьмите вот эти перчатки, и вот это ожерелье вам пойдет. – Шерра выудила из шкатулки длинную жемчужную нить. – Давайте, я застегну. И серьги. Вы носите серьги?

– Нет.

– Непростительное упущение. Ладно, на сей раз сойдет и так. – Шерра отступила на пару шагов, любуясь делом рук своих. – Отлично. Это платье теперь ваше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.